

УДК 81'22. +821.512.122

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ДАСТАРХАН»

Оналбаева А.Т., Жанузак К.Т.

*Казахский государственный женский педагогический университет,
Алматы, e-mail: a.onalbaeva@mail, kuralay_zhanuzak@mail.ru*

Данная статья посвящена термину «концепт», который является стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики. В статье рассматривается многоаспектное изучение термина в лингвокультурологии. Выделяются два подхода к исследованию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. В рамках лингвокогнитологии концепт трактуется как оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Суммируя мнения исследователей по поводу концепта, можно указать на следующие признаки концепта: 1) комплексность бытования (концепт формируется и существует на стыке языка, сознания и культуры); 2) ментальная природа (концепт – единица сознания, в котором осуществляется взаимодействие языка и культуры); В работе анализируется понятие *дастархан*, имеющий сложную семантическую структуру, которая входит в понятийную составляющую концепта «дастархан».

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, семантика, ментальная природа, дифференциальная сема, потенциальная сема, гостеприимство

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE CONCEPT «DASTARKHAN»

Onalbayeva A.T., Zhanuzakova K.T.

*Kazakh State Women's Teacher Training University, Almaty,
e-mail: a.onalbaeva@mail.ru, kuralay_zhanuzak@mail.ru*

This article focuses on the term «concept», which is a core term of the conceptual apparatus of cultural urological linguistics. The article deals with the study of multidimensional in terms of cultural linguistics. There are two approaches to the study of the concept: Lingvokognitivnye and linogvokulturologichesky. As part lingvokognitologii concept is interpreted as meaningful operational unit of memory mental lexicon, conceptual framework and language of the brain, the whole picture of the world, as reflected in the human psyche. Summing up the views of researchers on the concept, you can specify the following features of the concept: 1) the complexity of existence (the concept is formed and exists at the intersection of language, consciousness and culture); 2) mental nature (concept – a unit of consciousness in which the interaction of language and culture); The paper analyzes the concept of dastarkhan having a complex semantic structure, which is a conceptual component of the concept «dastarkhan».

Keywords: concept, cultural linguistics, semantics, mental nature, differential seme, potential sema, hospitality

Концепт рассматривается как единица языка и культуры в их взаимодействии в трудах целого ряда исследователей: Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Ш.К. Жаркынбекова, А. Ислам, Н.Г. Шаймердинова и др, однако до сего времени мы наблюдаем множество интерпретаций, касающихся содержательных различий между двумя смежными сущностями: понятие и концепт.

Так, Ю.С. Степанов дифференцирует их следующим образом: «...понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки концепты не только мыслятся, они переживаются... концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивиду-

альных смыслов, это сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру» [7, с. 41–42].

Д.С. Лихачев считает, что концепт – это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте, это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [6, с. 281].

А.А. Залевская характеризует концепт с позиции психолингвистики как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [2, с. 39].

А. Соломоник определяет концепт как абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [7, с. 246].

В.З. Демьянков, анализируя понятие и концепт в художественной литературе и научном языке, считает, что понятие – это то, о чем люди договариваются, люди конструируют их для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не) уверенности [1, с. 45].

В.В. Колесов дифференцирует понятие и концепт следующим образом: концепт – это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе... Понятие есть приближение к концепту, это явление концепта в виде одной из его содержательных форм. Концепт – и ментальный генотип, атом генной памяти ... и архетип, и первообраз, и многое еще [4, с. 19–20].

Мы используем концепты в трактовке В.И. Карасика: «...это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [3, с. 24].

Выделяются два подхода к исследованию концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. В рамках лингвокогнитологии концепт трактуется как оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Такую трактовку концепта мы встречаем в трудах Е.К. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.Н. Телии и др.

При лингвокультурном подходе концепт определяется как базовая единица культуры, которая включает понятийный, ценностный и образный компоненты. Подобная трактовка концепта встречается в работах В.И. Карасика, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, З.К. Ахметжановой и др.

Абсолютно адекватного, единого понимания концепта нет. Каждый из исследователей по-своему трактует структуру концепта. Так, у В.В. Красных концепт может быть единицей только высокой степени абстракции, имеющей национально-культурную специфику, именуемый словом и включающей в свою структуру словесные

ассоциации на имя концепта [5, с. 268–269], тогда как З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что ассоциативные связи имени концепта не могут входить в его содержание, это дополнительная процедура, позволяющая описать концепт.

Ю.С. Степанов различие между терминами «понятие» и «концепт» усматривает в принадлежности их разным наукам: понятие – термин логики и философии, концепт – лингвокультурологии. Характеризуя концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, Ю.С. Степанов отмечает, что в содержание концепта входит не только то, что принадлежит строению понятия, но и все то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. То есть Ю.С. Степанов расширяет объем содержания концепта [8, с. 603].

Суммируя мнения исследователей по поводу концепта, можно указать на следующие признаки концепта:

- 1) комплексность бытования (концепт формируется и существует на стыке языка, сознания и культуры);
- 2) ментальная природа (концепт – единица сознания, в котором осуществляется взаимодействие языка и культуры);
- 3) неотъемлемый компонент концепта – ценностность;
- 4) условность, размытость (нет четких очертаний);
- 5) изменчивость, связанная с изменением актуальности в ходе жизни языкового коллектива;
- 6) трехкомпонентность: выделяются ценностный, образный и понятийный компоненты;
- 7) полиапеллируемость: существует много способов апелляции к лингвокультурному концепту [8, с. 64].

В выше приведенном развернутом определении признаков концепта для нас крайне важным является полиапеллируемость, т.е. возможность апеллировать к любому лингвокультурному концепту самыми разными способами вербального и невербального характера.

Укажем на ряд основополагающих понятий казахской лингвокультуры. Это прежде всего понятие *дастархан*. Слово *дастархан* иранского происхождения. Как этнографический термин, в 4-м томе 15-томного «Словаря казахского литературного языка» оно дефинировано следующим образом: «Значимый для казахского менталитета предмет, символизирующий гостеприимство и семейное благополучие, уровень понимания

основных принципов национальной культуры, отражающий авторитет главы семьи и материального достатка семьи в целом, постоянную готовность щедро угостить любого гостя» [11, с. 512]. Если исходить из этого определения, семантику слова *дастархан* можно представить в виде следующего иерархически организованного набора сем, разных по статусу, по своей роли в формировании плана содержания:

Архисема: прием пищи 1;

Архисема: символ 2;

Дифференциальная сема 1: несколько человек;

Дифференциальная сема 1: в рамках конкретной семьи;

Дифференциальная сема 2: гости;

Дифференциальная сема 2: уважение;

Потенциальная сема 1: обилие пищи;

Потенциальная сема 1: разнообразие блюд;

Потенциальная сема 2: соответствие национальным традициям;

Потенциальная сема : материальный достаток семьи;

Потенциальная сема: отражение отношения главы семьи к другим людям;

Потенциальная сема: общение.

Как можно заметить, слово *дастархан* имеет сложную семантическую структуру, которая входит в понятийную составляющую концепта «дастархан». Образно-ассоциативная составляющая этого концепта репрезентируется следующим образом: *дастархан* ассоциируется в представлении казахов с чем-то святым, через что переступить нельзя, совместный прием пищи, участие вместе с кем-то в дастархане означает знакомство, сближение, установление дружеских, дружелюбных отношений. Приглашение на дастархан выражает желание установить более близкие, теплые отношения с кем-то, богатый дастархан ассоциируется как с понятием щедрости, так и с понятием искреннего дружелюбия хозяина дома, главы семьи. В семантике слова *дастархан* всегда содержится положительная оценка: *дастарханы мол, берекелі дастархан, қасиетті дастархан*. Однако во всех словарных дефинициях не эксплицируется очень важный момент: дастархан – это не только организованное с определенными целями угощение, прием пищи, это еще и очень обстоятельное, неспешно проходящее общение, всегда подразумевается, что во время дастархана происходит интересное как для гостей, так и хозяина общение. Чтобы это общение состоялось, хозяева обычно дополнительно приглашают других людей, которые обладают талантом общения, умеют поддержать разговор. В результате дастархан – это общение и угощение доволь-

но большого количества коммуникантов. Этот момент подмечен не в научных работах известных ученых, а в газетной статье А. Маукараұлы «Қонақ», где автор пишет, что казахский аул всегда радуется гостям, ибо с каждым новым человеком приходят издалека интересные рассказы, новости, песни, сведения о новых землях, событиях.

Глубинный смысл слова и понятия «*дастархан*» можно понять, лишь связав его с понятиями «гостеприимство» и «слово».

З.К. Сураганова отмечает, что институт гостеприимства имел широкое распространение в истории разных этнических культур [12]. В настоящее время он признается в качестве культурной универсалии. Гостеприимство в качестве социального организма имеет ряд обязательных составляющих: защиту и неприкосновенность гостя, а также его имущество (на определенное время, по истечении которого гость лишался такой привилегии), представление крова и пищи, сопровождение его на некоторое расстояние пути (находившееся под юрисдикцией хозяина или рода, племени, к которому принадлежит хозяин), обеспечение транспортом, в случае, если гость преследуется, и, наконец, церемониальный обмен дарами. Со всеми названными составляющими, но с тенденцией постепенной утраты некоторых из них институт гостеприимства наиболее продолжительное время функционировал у кочевников и горцев. Обычное право этих народов обязывало оказывать прием любому путнику с предоставлением защиты крова и пищи, – отмечает З.К. Сураганова [12, с. 175]. Одной из причин живучести института гостеприимства у казахов исследователи видят в освященности его мифологической традицией. Мифический предок казахов Алаш, кроме причитающейся доли каждому из трех своих наследников, разделил и четвертую часть своего состояния между ними поровну для того, чтобы они встречали каждого путника, оказавшегося под их кровом. У военного губернатора Торгайской области Л.Ф. Баллюзека приводится следующее толкование мифологического основания обычая гостеприимства у казахов: «...первый киргизский родоначальник Алач, исходя из условий кочевого быта наказал своим сыновьям ... не берите при взаимном посещении вашем друг друга платы за съестные припасы, будьте друг другу постоянно как бы приглашенные гости, пользуйтесь таким образом друг у друга правом кунак-асы или даровым, бесплатным приютом и угощением, на что примите от меня еще оставшуюся у меня четвертую долю моего имущества и считайте ее уже не исключительною которого-либо из вас,

а общим достоянием и как бы неразделенною между вами на веки вечные иначу. Вот откуда и каким священным для потомства Алача заветом передано существующее между киргизами начало кунак-асы» [12, с. 211].

С.Е. Толыбеков объясняет это следующим образом: «Институт гостеприимства был вызван острой необходимостью в условиях военно-походного образа жизни, подвергавшего кочевника бесконечным приключениям, лишениям голода, холода и зноя всегда помнить добро человека, который накормил его при голоде, согрел при холоде и напоил при жажде. Оказывать уважение, почет и помощь человеку, который дал пищу, считалось в кочевом обществе самым высоким достоинством» [13, с. 96]. Интерпретируя мысль С.Е. Толыбекова, можно утверждать, что институт гостеприимства содействовал формированию таких черт казахского народа, как милосердие, доброжелательное и дружелюбное отношение к людям, уважительное отношение, благодарность за оказанную ему, пусть даже небольшую, помощь и в то же время чувство определенной защищенности, поскольку любой казах вправе рассчитывать на помощь в трудной ситуации, особенно в пути.

Сама традиция гостеприимства и отдельные ее аспекты нашли отражение в казахских паремиях, достаточно глубокое толкование одной из них – «Қонғанша қонақ ұялар, қонған соң үй иесі ұялар» (букв. в гостях гость стесняется, после его прихода хозяин стесняется) мы находим в одной из заметок русского чиновника Владимира фон Герна, активно интересовавшегося казахским бытом. Герт пишет, что стеснение гостя вызвано тем, что он ввел хозяина в расход, в который входит угощение «из лучших употребляемых в пищу животных (баран или лошадь – смотря по общественному положению, занимаемому гостем) и при отъезде он должен получить соответствующий своему положению подарок – более или менее ценный халат или даже коня». Стеснение же хозяина вызвано «боязнью того, что гость мог остаться недоволен его гостеприимством и как по пути, так и возвратившись домой в среду своих сородичей, пустить позорящую доброе имя степня-

ка молву о его скупости и несоблюдении обычая гостеприимства» [13, с. 211].

Таким образом, гостеприимство включает в себя ряд компонентов, главным из которых является дастархан. В основе как целевого, так и нецелевого дастархана лежат такие главные культурные константы, как концепты «человек и социум», «потомство», «плодовитость как основа семейного счастья» и др.

Список литературы

1. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 1. – С. 35–47.
2. Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. – Калининград: Наука, 1983. – 286 с.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. – С. 75–80.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
7. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
9. Герт фон Вл. Из записной книжки. Этнографические заметки. Характер и нравы киргизов-казаков // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. – Семипалатинск. Типография семипалатинского областного Правления 1899. Цитир. по: Сураганова З.К. Основы и функции казахского обычая гостеприимства «Қонақасы».
10. Оналбаева А.Т. Невербальное общение: социальный и национально-культурный контекст. – Алматы, 2010. – 250 с.
11. Словаря казахского литературного языка. – 4 том. Б-Д. – Алматы: Арыс, 2007. – 512 б.
12. Сураганова З.К. Основы и функции казахского обычая гостеприимства «Қонақасы» // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2006. – № 2(41). – С. 175–177.
13. Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. – Алматы: Казгосиздат, 1959.